ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. № 332.

ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ.

РАЗСКАЗЪ

графа Льва Николаевича Толстаго.

Съ рисунками академика Шервуда.

МОСКВА.
Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ, Моховая, домъ Торлецкой.
1882.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ разсказъ Льва Николаевича Толстаго «Чѣмъ люди живы». Въ немъ говорится о томъ, какъ одинъ сапожникъ подобралъ на улицѣ замерзающаго человѣка и помогъ ему не умереть отъ холода и голода. И человѣкъ этотъ оказался не простымъ человѣкомъ… Какъ всегда мы убѣждаемся, что міромъ правитъ Любовь!

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію разсказа отъ 1882 года [1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

[1] Толстой, Л.Н. Чѣмъ люди живы: Разсказъ гр. Льва Николаевича Толстаго / [Съ рис. акад. Шервуда]. – Москва: О-во распростр. полѣз. кн., 1882. – 29 с., 3 л. ил.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ
ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. № 332.

ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ.

РАЗСКАЗЪ

графа Льва Николаевича Толстаго.

Съ рисунками академика Шервуда.

Дозволено цензурою. Москва, Марта 17 дня, 1882 года.

МОСКВА.

Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ,
Моховая, домъ Торлецкой.

1882.

ЧѢМЪ ЛЮДИ ЖИВЫ.

———

Мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ: не любящій брата пребываетъ въ смерти. (1-е посл. Іоанн. III. 14).

А кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? (III, 17).

Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною (III. 18).

Любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. (IV. 7).

Кто не любить, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь (IV. 8).

Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга; то Богъ въ насъ. (IV. 12).

Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. (IV. 16).

Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ; тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? (IV. 20).

I

Жилъ сапожникъ съ женою и дѣтьми у мужика на квартирѣ. Ни дома своего, ни земли у него не было, и кормился онъ съ семьею сапожной работой. Хлѣбъ былъ дорогой, а работа дешевая, и что̀ заработаетъ, то и проѣстъ. Была у сапожника одна шуба съ женой, да и та износилась въ лохмотья: и второй годъ собирался

сапожникъ купить овчинъ на новую шубу.

Къ осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы въ сундукѣ, а еще пять рублей двадцать копѣекъ было за мужиками въ селѣ.

И собрался съ утра сапожникъ въ село за шубой. Надѣлъ нанковую бабью куртушку на ватѣ на рубаху, сверху кафтанъ суконный; взялъ бумажку трехрублевую въ карманъ, выломалъ палку и пошелъ послѣ завтрака. Думалъ: «получу пять рублей съ мужика, приложу ихъ три, куплю овчинъ на шубу».

Пришелъ сапожникъ въ село, зашелъ къ одному мужику, — дома нѣтъ, обѣщала баба на недѣлѣ прислать мужа съ деньгами, а денегъ не дала; зашелъ къ другому — забожился мужикъ что нѣтъ денегъ, только двадцать копѣекъ отдалъ за починку сапогъ. Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины. Въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ.

— Денежки, говоритъ, принеси, тогда выбирай любыя, а то знаемъ мы какъ долги выбирать.

Такъ и не сдѣлалъ сапожникъ никакого дѣла, только получилъ двадцать копѣекъ за починку, да взялъ у мужика старыя валенки кожей обшить.

Потужилъ сапожникъ, выпилъ на всѣ двадцать копѣекъ водки и пошелъ домой безъ шубы. Съ утра сапожнику морозно показалось, а выпивши тепло было и безъ шубы. Идетъ сапожникъ дорогой, одною рукой палочкой но мерзлымъ калмыжкамъ постукиваетъ, а другой рукой сапогами валеными помахиваетъ, самъ съ собой разговариваетъ.

— Я, говоритъ, и безъ шубы тепелъ. Выпилъ шкаликъ, оно во всѣхъ жилкахъ играетъ. И тулупа не

надо. Иду забывши горе. Вотъ какой я человѣкъ! Мнѣ что̀? Я безъ шубы проживу. Мнѣ ея вѣкъ не надо. Одно — баба заскучаетъ. Да и обидно: ты на него работай, а онъ тебя водитъ. Постой же ты теперь: не принесешь денежки, я съ тебя шапку сниму, ей-Богу сниму. А то что̀ жь это! По двугривенному отдаетъ! Ну что̀ на двугривенный сдѣлаешь? Выпить — одно. Говорить: «нужда». Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя домъ, и скотина, и все, а я весь тутъ: у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ; откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ. Опять полтора рубля выложь. Такъ ты мнѣ мое отдай.

Подходитъ такъ сапожникъ къ часовнѣ у повертка, глядитъ, за самой за часовней что-то бѣлѣется. Стало ужъ смеркаться: приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что̀ такое. Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло̀ что-то. Да и человѣку зачѣмъ тутъ быть?

Подошелъ ближе — совсѣмъ видно стало. Что̀ за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышомъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Страшно стало сапожнику, думаетъ себѣ: «убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли да и бросили тутъ. Подойди только и не раздѣлаешься потомъ.»

И пошелъ сапожникъ мимо. Зашелъ за часовню — не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ: человѣкъ отслонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще больше заробѣлъ сапожникъ, думаетъ себѣ: «подойти или мимо пройти? Подойти — какъ бы худо не было, кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ

сюда. Подойдешь, а онъ вскочить да задушитъ, и не уйдешь отъ него; а не задушитъ, такъ поди возжайся съ нимъ. Что̀ съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать. Пронеси только Богъ!»

И прибавилъ сапожникъ шагу. Сталъ ужь проходить часовню, да зазрила его совѣсть.

И остановился сапожникъ на дорогѣ.

— Ты что же это, говоритъ на себя, — Семенъ, дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ, мимо идешь. Али дюже разбогатѣлъ? Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, не ладно!

Повернулся Семенъ и пошелъ къ человѣку.

II.

Подходитъ Семенъ къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно измерзъ человѣкъ и напуганъ, — сидитъ прислоняся и не глядитъ на Семена, будто ослабъ; глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семенъ вплоть, и вдругъ какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену. Бросилъ онъ на земь валенки, распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будетъ, говоритъ, — толковать-то. Одѣвай что ли. Ну-ка.

Взялъ Семенъ человѣка подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся человѣкъ. И видитъ Семенъ тѣло тонкое, чистое, руки, ноги не ломанныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семенъ кафтанъ на плечи. Не

попадаетъ въ рукава. Заправилъ ему Семенъ руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою.

Снялъ было Семенъ шапку рваную, картузъ хотѣлъ на него надѣть, да холодно головѣ стало; думаетъ: «у меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные.» Надѣлъ опять. «Лучше сапоги ему обую.»

Посадилъ его и сапоги валеные обулъ ему.

Одѣлъ его сапожникъ и говоритъ:

— Такъ-то, братъ. Ну-ка разминайся, да согрѣвайся. А эти дѣла всѣ безъ насъ разберутъ. Идти можешь?

Стоитъ человѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить ничего не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ. Надо къ жилью. Ну-ка, на вотъ дубинку мою, обопрись, коли ослабь. Раскачивайся-ка.

И пошелъ человѣкъ. И пошелъ легко, не отстаетъ.

Идутъ они дорогой, и говоритъ Семенъ:

— Чей значитъ будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то значитъ какъ сюда, подъ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно все Богъ, да все же куда-нибудь прибиваться надо. Куда надо-то тебѣ?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семенъ. Не похожъ на озорника, и на рѣчахъ мягокъ, а не сказываетъ про себя. И думаетъ Семенъ. мало-ли какія дѣла бываютъ. И говоритъ человѣку:

— Чтожъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь мало-мальски.

Подходитъ Семенъ ко двору, не отстаетъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подъ рубаху, и сталь съ него сходить хмѣль и прозябать сталъ. Идетъ онъ, носомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртушку бабью и думаетъ: «вотъ-те и шуба: пошелъ за шубой, а безъ кафтана приду, да еще голаго съ собой приведу. Не похвалитъ Матрена!» И какъ подумаетъ объ Матренѣ, скучно станетъ Семену. А какъ поглядитъ на странника, вспомнить, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ взыграетъ въ немъ сердце.

III.

Убралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась: задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

«Если, думаетъ, Семенъ тамъ пообѣдаетъ да много за ужиномъ не съѣстъ, на завтра хватитъ хлѣба.»

Повертѣла, повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «не стану нынче хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ.»

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить. Шьетъ и думаетъ Матрена

про мужа, какъ онъ будетъ овчины на шубу покупать.

«Не обманулъ бы его овчинникъ. А то простъ ужъ очень мой-то. Самъ никого не обманетъ, а его малое дитя проведетъ. Восемь рублей деньги не малыя. Можно хорошую шубу собрать. Хоть не дубленая, а все шуба. Прошлую зиму какъ бились безъ шубы! Ни на рѣчку выдти, ни куда. А то вотъ пошелъ со двора, все на себя надѣлъ, мнѣ и одѣть нечего. Не рано пошелъ. Пора бы ему. Ужъ не загулялъ ли соколикъ-то мой?»

Только подумала Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ, кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ, вошли двое: Семенъ и съ нимъ мужикъ какой-то, безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. Ну, думаетъ, такъ и есть загулялъ. Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртушкѣ въ одной, и не несетъ ничего, а молчитъ, ужимается, оборвалось у Матрены сердце. Пропилъ, думаетъ, деньги, загулялъ съ какимъ-нибудь непутевымъ да и его еще съ собой привелъ.

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла, видитъ, человѣкъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не шевелится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: не добрый человѣкъ — боится.

Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семенъ шапку, сѣлъ на лавку какъ добрый.

— Что жъ, говоритъ, — Матрена, давай ужинать что-ли?

Пробурчала что-то себѣ подъ носъ Матрена. Какъ стала у печи — не шевельнется: то на одного, то на другаго посмотритъ и только головой покачиваетъ. Видитъ Семенъ, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего, какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись, говорить, — братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Будетъ, Матрена, что́ безъ толку-то языкомъ стрекотать? Ты спроси прежде: какой человѣкъ....

— Ты сказывай, куда деньги дѣвалъ?

Полѣзъ Семенъ въ кафтанъ, вынулъ бумажку, развернулъ.

— Деньги вотъ онѣ, а Трифоновъ не отдалъ, завтра посулился.

— Еще пуще взяло зло Матрену: шубы не купилъ, а послѣдній кафтанъ на какого-то голаго надѣлъ, да къ себѣ привелъ.

Схватила со стола бумажку, понесла прятать, сама говоритъ.

— Нѣтъ у меня ужина. Всѣхъ пьяницъ голыхъ не накормишь.

— Эхъ, Матрена, подержи языкъ-то. Прежде послушай, что говорятъ....

— Наслушаешься ума отъ пьянаго дурака. Не даромъ не хотѣла за тебя, пьяницу, замужъ идти: матушка мнѣ холсты отдала — ты пропилъ, пошелъ шубу купить — пропилъ.

Хочетъ Семенъ растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копѣекъ, хочетъ сказать, гдѣ онъ человѣка нашелъ, не даетъ ему Матрена слова вставить: откуда что берется, по два слова вдругъ говоритъ. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то все помянула.

Говорила, говорила Матрена, подскочила къ Семену, схватила его за рукавъ.

— Давай поддевку-то мою. А то одна осталась, и ту съ меня снялъ, да на себя наперъ. Давай сюда, конопатый песъ, пострѣлъ тебя расшиби!

Сталъ снимать съ себя Семенъ куцавейку, рукавъ вывернулъ; дернула баба, затрещала въ швахъ куцавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накинула и взялась за дверь. Хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось — хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человѣкъ.

IV.

Остановилась Матрена и говоритъ:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ; кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ раздѣмши, застылъ совсѣмъ. Не лѣто вѣдь нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы

пропасть. Ну какъ быть? Мало-ли какія дѣла бываютъ! Взялъ, одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ. Матрена. Помирать будемъ.

Хотѣла Матрена изругаться, да погдядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ, не шевельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ, голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ, и все морщится, какъ будто душить его что. Замолчала Матрена. Семенъ и говоритъ:

— Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ?!

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдругъ сошло въ ней сердце. Отошла она отъ двери, подошла къ печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на столъ, налила квасу, выложила краюшку последнюю. Подала ножъ и ложки.

— Хлебайте чтоль, говоритъ.

Подвинулъ Семенъ странника.

— Пролѣзай, говоритъ, — молодецъ.

Нарѣзалъ Семенъ хлѣба, накрошилъ, и стали ужинать. А Матрена сѣла объ уголъ стола, подперлась рукой и глядитъ на странника.

И жалко стало Матренѣ странника, и полюбила она его. И вдругъ повеселѣлъ странникъ, пересталъ морщиться, поднялъ глаза на Матрену и улыбнулся.

Поужинали; убрала баба и стала спрашивать странника:

— Да ты чей будешь?

— Не здѣшній я.

— Да какъ же ты на дорогу-то попалъ?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Кто же тебя обобралъ?

— Меня Богъ наказалъ.

— Такъ голый и лежалъ?

— Такъ и лежалъ нагой, замерзалъ. Увидалъ меня Семенъ, пожалѣлъ, снялъ съ себя кафтанъ, на меня надѣлъ и велѣлъ сюда придти. А здѣсь ты меня накормила, напоила, пожалѣла. Спасетъ васъ Господь!

Встала Матрена, взяла съ окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику; нашла еще портки, подала.

— На, вотъ, я вижу у тебя и рубахи-то нѣтъ. Одѣнься, да ложись, гдѣ полюбится, на хоры, али на печь.

Снялъ странникъ кафтанъ, одѣлъ рубаху и легъ на хоры. Потушила Матрена свѣть, взяла кафтанъ и полѣзла къ мужу.

Прикрылась Матрена концомъ кафтана, лежитъ и не спитъ: все странникъ ей съ мыслей не идетъ.

Какъ вспомнитъ, что онъ послѣднюю краюшку доѣлъ и на завтра нѣтъ хлѣба, какъ вспомнитъ, что рубаху и портки отдала, такъ скучно ей станетъ, а вспомнитъ, какъ онъ улыбнулся, и взыграетъ въ ней сердце.

Долго не спала, Матрена, и слышитъ — Семенъ тоже не спитъ, кафтанъ на себя тащитъ.

— Семенъ!

— А!

— Хлѣбъ-то послѣдній поѣли, а я не ставила. Назавтра не знаю какъ быть. Нечто у кумы Маланьи попрошу.

— Живы будемъ, сыты будемъ.

Полежала баба, помолчала.

— А человѣкъ видно хорошій, только чтожъ онъ не сказываетъ про себя?

— Должно нельзя.

— Сёмъ!

— А!

— Мы-то даемъ, да чтожъ намъ никто не даетъ?

Не зналъ Семенъ что сказать. Говорить: «будетъ толковать-то.» Повернулся и заснулъ.

V.

На утро проснулся Семенъ. Дѣти спятъ, жена пошла къ сосѣдямъ хлѣба занимать. Одинъ вчерашній странникъ въ старыхъ порткахъ и рубахѣ на лавкѣ

сидитъ, вверхъ смотритъ. И лицо у него противъ вчерашняго свѣтлѣе.

И говоритъ Семенъ:

— Чего-жъ, милая голова: брюхо хлѣба проситъ, а голое тѣло одежи. Кормиться надо. Что работать умѣешь?

— Я ничего не умѣю.

Подивился Семенъ, и говоритъ:

— Была бы охота. Всему люди учатся.

— Люди работаютъ, и я работать буду.

— Тебя какъ звать?

— Михаилъ.

— Ну, Михайла, сказывать про себя не хочешь — твое дѣло, а кормиться надо. Работать будешь что прикажу, кормить буду.

— Спаси тебя Господь, а я учиться буду. Покажи, что дѣлать.

Взялъ Семенъ дратву не сученую, надѣлъ на пальцы и сталъ сучить.

— Дѣло не хитрое, гляди....

Посмотрѣлъ Михайла, надѣлъ также на пальцы, тотчасъ перенялъ, сталъ сучить.

Ссучилъ концы Михайла, показалъ ему Семенъ какъ наваривать. Также сразу понялъ Михайла. Показалъ хозяинъ и какъ точать, и тоже сразу понялъ Михайла.

Какую не покажетъ ему работу Семенъ, все сразу пойметъ, и съ третьяго дня сталъ работать, какъ будто вѣкъ шилъ. Работаетъ безъ разгиба, ѣстъ мало, перемежится работа — молчитъ и все вверхъ глядитъ. На улицу не ходитъ, не говоритъ лишняго, не шутитъ, не смѣется.

Только и видѣли разъ, какъ онъ улыбнулся въ первый вечеръ, когда ему баба ужинать собрала.

VI.

День ко дню, недѣля къ недѣлѣ, вскружился и годъ. Живетъ Михайла по прежнему у Семена, работаетъ. И прошла про Семенова работника слава, что никто такъ чисто и крѣпко сапогъ но сошьетъ, какъ Семеновъ работникъ, Михайла. И стали изъ округи къ Семену за сапогами ѣздить, и сталъ у Семена достатокъ прибавляться.

Сидятъ разъ по зимѣ Семенъ съ Михайлой, работаютъ; подъѣзжаетъ къ избѣ тройкой съ колокольцами возокъ. Поглядѣли въ окно, остановился возокъ противъ избы, соскочилъ молодецъ съ облучка, отворилъ дверцу. Вылѣзаетъ изъ возка въ шубѣ баринъ. Вышелъ изъ возка, пошелъ къ Семенову дому, вошелъ на крыльцо. Выскочила Матрена, распахнула дверь настежъ. Нагнулся баринъ, вошелъ въ избу, выпрямился, чуть головой до потолка не досталъ, весь уголъ захватилъ.

Всталъ Семенъ, поклонился и дивуется на барина. И не видывалъ онъ людей такихъ. Самъ Семенъ поджарый, и Михайла худощавый, а Матрена и вовсе какъ щепка сухая, а этотъ какъ съ другаго свѣта человѣкъ: морда красная, налитая, шея какъ у быка, весь какъ изъ чугуна вылитъ.

Отдулся баринъ, снялъ шубу, сѣлъ на лавку и говоритъ:

— Кто хозяинъ сапожникъ?

Вышелъ Семенъ, говоритъ:

— Я, ваше степенство.

Крикнулъ баринъ на своего малого:

— Эй, Ѳедька, подай сюда товаръ!

Вбѣжалъ малый, внесъ узелокъ. Взялъ баринъ узелъ, положилъ на столъ.

— Развяжи, говоритъ.

Развязалъ малый.

Ткнулъ баринъ пальцемъ товаръ сапожный и говорить Семену:

— Ну слушай же ты, сапожникъ. Видишь товаръ?

— Вижу, говоритъ, — ваше благородіе.

— Да ты понимаешь ли, какой это товаръ?

Пощупалъ Семенъ товаръ, говоритъ:

— Товаръ хорошій.

— То-то хорошій! Ты, дуракъ, еще не видалъ товару такого. Товаръ нѣмецкій, двадцать рублей плаченъ.

Заробѣлъ Семенъ, говоритъ:

— Гдѣ же намъ видать?

— Ну то-то. Можешь ты изъ этого товара на мою ногу сапоги сшить?

— Можно, ваше степенство.

Закричалъ на него баринъ:

— То-то можно. Ты понимай, ты на кого шьешь, изъ какого товару. Такіе сапоги мнѣ сшей, чтобы годъ носились, не кривились, не поролись. Можешь — берись, рѣжь товаръ, а не можешь — и не берись, и не рѣжь товару. Я тебѣ напередъ говорю — распорются, скривятся сапоги раньше году, я тебя въ острогъ засажу; не скривятся, не распорются до года, я за работу десять рублей отдамъ.

Заробѣлъ Семенъ, и не знаетъ что сказать. Оглянулся на Михайлу.

Толконулъ его локтемъ и шепчетъ:

— Брать что-ли?

Кивнулъ головой Михайла: бери, молъ, работу.

Послушался Семенъ Михайлу, взялся такіе сапоги сшить, чтобы годъ не кривились, не поролись.

Кликнулъ баринъ малаго, велѣлъ снять сапогъ съ лѣвой ноги, вытяну лъ ногу. «Снимай мѣрку.»

Сшилъ Семенъ бумажку въ десять вершковъ, загладилъ, всталъ на колѣнки, руку объ фартукъ обтеръ хорошенько, чтобы барскій чулокъ не попачкать, и сталъ мѣрить. Обмѣрилъ Семенъ подошву, обмѣрилъ въ подъемѣ, сталъ икру мѣрить, не сошлась бумажка. Ножища въ икрѣ какъ бревно

толстая. «Смотри, въ голенищѣ не обузь.» Сталъ Семенъ еще бумажку нашивать. Сидитъ баринъ, пошевеливаетъ перстами въ чулкѣ, народъ въ избѣ оглядываетъ. Увидалъ Михайлу.

— Это кто жъ, говоритъ, — у тебя!

— А это самый мой мастеръ, онъ и шить будетъ.

— Смотри же, говоритъ баринъ на Михайлу, помни, такъ сшей, чтобы годъ проносились. Оглянулся и Семенъ на Михайлу, — видитъ, Михайла на барина и не глядитъ, а уставился въ уголъ за бариномъ, точно вглядывается въ кого. Глядѣлъ, глядѣлъ Михайла и вдругъ улыбнулся, и просвѣтлѣлъ весь.

— Ты что дуракъ, зубы скалишь? Ты лучше смотри, чтобы къ сроку готовы были.

И говоритъ Михаила:

— Какъ разъ поспѣютъ, когда надо.

— То-то.

Надѣлъ баринъ сапогъ, шубу, запахнулся и пошелъ въ двери. Да забылъ нагнуться, стукнулся въ притолку головой.

Разругался баринъ, потеръ себѣ голову, сѣлъ въ возокъ и уѣхалъ.

Отъѣхалъ баринъ. Семенъ и говоритъ:

— Ну ужъ кремнястъ? Этого долбней не убьешь. Косякъ головой высадилъ, а ему горя мало.

А Матрена говоритъ:

— Съ житья такого какъ имъ гладкимъ не быть! Этакаго заклепа и смерть не возьметъ.

VII.

И говоритъ Семенъ Михайлѣ:

— Взять-то взяли работу, да какъ бы намъ бѣды не нажить? Товаръ дорогой, а баринъ сердитый. Какъ бы не ошибиться? Ну-ка ты, у тебя и глаза поострѣе, да и въ рукахъ-то больше моего сноровки стало, на-ка мѣрку. Крой товаръ, а я головки дошивать буду.

Не ослушался Михайла, взялъ товаръ барскій, разостлалъ на столѣ, сложилъ вдвое, взялъ ножъ и началъ кроить.

Подошла Матрена, глядитъ, какъ Михайла кроитъ, и дивится, что такое Михайла дѣлаетъ. Привыкла ужъ и Матрена къ сапожному дѣлу, глядитъ и видитъ, что Михайла не посапожному товаръ кроитъ, а на круглые вырѣзаетъ.

Хотѣла сказать Матрена, да думаетъ себѣ: «должно не поняла я какъ сапоги барину шить, должно Михайла лучше знаетъ, не стану мѣшаться.»

Скроилъ Михайла пару, взялъ конецъ и сталъ сшивать не по сапожному, въ два конца, а однимъ концомъ, какъ босовики шьютъ.

Подивилась и на это Матрена, да тоже мѣшаться не стала. А Михайла все шьетъ. Стали полудновать, поднялся Семенъ, смотритъ, у Михайлы изъ барскаго товару босовики сшиты.

Ахнулъ Семенъ. «Какъ это.» думаетъ, «Михайла годъ цѣлый жилъ, не ошибался ни въ чемъ, а теперь бѣду такую надѣлалъ. Баринъ сапоги вытяжные на ранту заказывалъ, а онъ босовики сшилъ безъ подошвы, товаръ испортилъ. Какъ я теперь

раздѣлаюсь съ бариномъ? Товару такого не найдешь.»

И говоритъ онъ Михайлѣ:

— Ты что же это, говоритъ, — милая голова, надѣлалъ? Зарѣзалъ ты меня. Вѣдь баринъ сапоги заказывалъ, а ты что̀ сшилъ?

Только началъ онъ выговаривать Михаилѣ, грохъ въ кольцо у двери, стучится кто-то. Глянули въ окно, верхомъ кто-то пріѣхалъ, лошадь привязываетъ. Отперли: входитъ тотъ самый малый отъ барина.

— Здорово!

— Здорово, чего надо?

— Да вотъ барыня прислала объ сапогахъ.

— Что объ сапогахъ?

— Да что объ сапогахъ, сапогъ не нужно барину. Приказалъ долго жить баринъ.

— Что ты?

— Отъ васъ до дома не доѣхалъ, въ возкѣ и померъ. Подъѣхала повозка къ дому, вышли высаживать, а онъ какъ куль завалился ужъ и закоченѣлъ, мертвый лежитъ, насилу изъ возка выпростали. Барыня и прислала, говоритъ: «Скажи ты сапожнику, что былъ-молъ у васъ баринъ, сапоги заказывалъ и товаръ оставилъ, такъ скажи: сапогъ не нужно, а чтобы босовики на мертваго поскорѣе изъ товара сшилъ. Да дождись, пока сошьютъ, и съ собой босовики привези.» Вотъ и пріѣхалъ.

Взялъ Михайла со стола обрѣзки товара, свернулъ трубкой, взялъ и босовики готовые, щелкнулъ другъ объ друга, обтеръ фартукомъ и подалъ малому. Взялъ малый босовики.

— Прощайте, хозяева! Часъ добрый!

VIII.

Прощелъ и еще годъ, и два, и живетъ Михайла уже шестой годъ у Семена. Живетъ попрежнему. Никуда не ходитъ, лишняго не говоритъ и во все время только два раза улыбнулся: одинъ разъ, когда баба ему ужинать собрала, другой разъ на барина. Не нарадуется Семенъ на своего работника. И не спрашиваетъ его больше, откуда онъ; только одного боится, чтобы не ушелъ отъ него Михайла.

Сидятъ разъ дома. Хозяйка въ печь чугуны ставитъ, а ребята по лавкамъ бѣгаютъ, въ окна глядятъ. Семенъ точаетъ у одного окна, а Михаила у другого каблукъ набиваетъ.

Подбѣжалъ мальчикъ по лавкѣ къ Михайлѣ, оперся ему на плечо и глядитъ въ окно.

— Дядя Михайла, глянь-ка, купчиха съ дѣвочками никакъ къ намъ идетъ. А дѣвочка одна хромая.

Только сказалъ это мальчикъ, Михайла бросилъ работу, повернулся къ окну, глядитъ на улицу.

И удивился Семенъ. То никогда не глядитъ на улицу Михайла, а теперь припалъ къ окну, глядитъ на что-то. Поглядѣлъ и Семенъ въ окно: видитъ, вправду идетъ женщина къ его двору, одѣта чисто, ведетъ за ручки двухъ дѣвочекь въ шубкахъ, въ платочкахъ въ ковровыхъ. Дѣвочки одна въ одну, разузнать нельзя. Только у одной лѣвая ножка попорчена — идетъ припадаетъ.

Взошла женщина на крыльцо въ сѣни, ощупала дверь, потянула за скобку — отворила. Пропустила

впередъ себя двухъ дѣвочекъ и вошла въ избу.

— Здорово, хозяева!

— Просимъ милости. Чего надо?

Сѣла женщина къ столу. Прижались ей дѣвочки въ колѣни: людей чудятся.

— Да вотъ дѣвочкамъ на весну кожаные башмачки сшить.

— Что̀ же, можно. Не шивали мы маленьким, такихъ, да все можно. Можно рантовые, можно выворотные на холстѣ. Вотъ Михайла у меня мастеръ.

Оглянулся Семенъ на Михайлу и видитъ: Михайла работу бросилъ, сидитъ, глазъ не сводитъ съ дѣвочекъ.

И подивился Семенъ на Михайлу. Правда, хороши дѣвочки: черноглазонькія, пухленькія, румяненькія, и шубки и платочки на нихъ хорошіе, а все не пойметъ Семенъ, что онъ такъ приглядывается на нихъ, точно знакомый онѣ ему.

Подивился Семенъ и сталъ съ женщиной толковать — рядиться. Порядился, сложилъ мѣрку. Подняла собѣ женщина на колѣни хроменькую и говоритъ:

— Вотъ съ этой двѣ мѣрки сними, на кривенькую ножку одинъ башмачокъ сшей, а на пряменькую три. У нихъ ножки одинакія, одна въ одну. Двойни онѣ.

Снялъ Семенъ мѣрку и говоритъ на хроменькую:

— Съ чего же это съ ней сталось? Дѣвочка такая хорошая. Сроду что-ли?

— Нѣтъ, мать задавила.

Вступилась Матрена, хочется ей узнать, чья

такая женщина и чьи дѣти, и говоритъ:

— А ты развѣ имъ не мать будешь?

— Я не мать имъ и не родня, хозяюшка: чужія вовсе — пріемыши.

— Не свои дѣти, а какъ жалѣешь ихъ.

— Какъ мнѣ ихъ не жалѣть? Я ихъ обѣихъ своею грудью выкормила? Свое было дѣтище, да Богъ прибралъ, такъ его такъ не жалѣла, какъ ихъ жалѣю.

— Да чьи же онѣ?

IX.

Разговорилась женщина и стала разсказывать: «Годовъ шесть, говоритъ, тому дѣло было, въ одну недѣлю обмерли сиротки эти: отца во вторникъ похоронили, а мать въ пятницу померла. Остались обморушки эти отъ отца трехъ деньковъ, а мать и дня не прожила. Я въ эту пору съ мужемъ въ крестьянствѣ жила. Сосѣди были, дворъ объ дворъ жили. Отецъ ихъ мужикъ одинокій былъ, въ рощѣ работалъ. Да уронили дерево какъ-то на него, его поперекъ прихватило. Все нутро выдавило. Только довезли, онъ и отдалъ Богу душу, а баба его въ ту же недѣлю и роди двойню, — вотъ этихъ дѣвочекъ. Бѣдность, одиночество, одна баба была, ни старухи, ни дѣвчонки.

«Одна родила, одна и померла.

«Пошла я на утро провѣдать сосѣдку, прихожу въ избу, а она сердечная ужъ и застыла. Да какъ помирала, завалилась на дѣвочку. Вотъ эту задавила — ножку вывернула. Собрался народъ, — обмыли, опрятали, гробъ сдѣлали, похоронили. Все добрые люди. Остались дѣвчонки однѣ. Куда ихъ? А я изъ

бабъ одна съ ребенкомъ была. Первенькаго мальчика восьмую неделю кормила. Взяла я ихъ до времени къ себѣ. Собрались мужики, думали, думали, куда ихъ дѣть, да и говорятъ мнѣ: «ты, Марья, подержи покамѣстъ дѣвчонокъ у себя, а мы, дай срокъ. ихъ обдумаемъ.» А я разокъ покормила грудью пряменькую, а эту раздавленную и кормить не стала. Не чаяла ей живой быть. Да думаю себѣ, за что ангельская душка млѣеть, жалко стало и ту. Стала кормить, да такъ-то одного своего, да этихъ двухъ, троихъ грудью и выкормила. Молода была, сила была, да и пища хорошая. И молока столько Богъ далъ, въ грудяхъ было, что зальются бывало. Двоихъ кормлю бывало, а третья ждетъ. Отвалится одна, третью возьму. Да такъ Богъ привелъ, что этихъ выкормила. а своего по второму годочку схоронила. И больше Богъ и дѣтей не далъ. А достатокъ прибавляться сталъ. Вотъ теперь живемъ здѣсь на мельницѣ у купца. Жалованье большое, жизнь хорошая. А дѣтей нѣтъ. И какъ бы мнѣ жить одной, кабы не дѣвчонки эти! Какъ же мнѣ ихъ не любить! Только у меня и воску въ свѣчѣ, что онѣ.»

Прижала къ себѣ женщина одной рукой дѣвочку хроменькую, а другой рукой стала со щекъ слезы стирать.

И вздохнула Матрена и говоритъ:

«Видно пословица не мимо молвится: безъ отца матери проживутъ, а безъ Бога не проживутъ.»

Говорятъ онѣ такъ промежъ себя, и вдругъ какъ зарница освѣтила всю избу отъ того угла, гдѣ сидѣлъ Михайла. Оглянулись всѣ на него и видятъ: сидитъ Михайла, сложивши руки на колѣнкахъ, глядитъ вверхъ, улыбается.

X.

Ушла женщина съ дѣвочками, всталъ и Михайла съ лавки, положилъ работу; снялъ фартукъ, поклонился хозяину съ хозяйкой и говоритъ:

— Простите, хозяева. Меня Богъ простилъ. Простите и вы. И видятъ хозяева, что отъ Михайлы свѣтъ идетъ. И всталъ Семенъ, поклонился Михайлѣ и сказалъ ему:

— Вижу я, Михайла, что ты не простой чловѣкъ и не могу я тебя держать, и не могу я тебя спрашивать. Скажи мнѣ только одно: отчего когда я нашелъ тебя и привелъ въ домъ, ты былъ пасмуренъ, и когда баба подала тебѣ ужинать, ты улыбнулся на нее и съ тѣхъ поръ сталъ свѣтлѣе? Потомъ когда баринъ заказывалъ сапоги, ты улыбнулся въ другой разъ и съ тѣхъ поръ сталъ еще свѣтлѣе, и теперь когда женщина приводила дѣвочекъ, ты улыбнулся въ третій разъ и весь просвѣтлѣлъ? Скажи мнѣ, Михайла, отчего такой свѣтъ отъ тебя и отъ чего ты улыбнулся три раза?

И сказалъ Михайла:

— Отъ того свѣтъ отъ меня, что я былъ наказанъ, а теперь Богъ простилъ меня. А улыбнулся я три раза оттого, что мнѣ надо было узнать три слова Божія. И я узналъ слова Божіи: одно слово я узналъ, когда твоя жена пожалѣла меня, и оттого я въ первый разъ улыбнулся. Другое слово я узналъ, когда богачъ заказывалъ сапоги, и я въ другой разъ улыбнулся: и теперь, когда я увидалъ дѣвочокъ, я узналъ послѣднее, третье слово и я улыбнулся въ третій разъ.

И сказалъ Семенъ:

— Скажи мнѣ, Михайла, за что Богъ наказалъ

тебя и какія тѣ слова Бога, чтобы мнѣ знать?

И сказалъ Михайла:

— Наказалъ меня Богъ за то, что я ослушался Его. Я былъ ангелъ на небѣ и ослушался Бога.

Былъ я ангелъ на небѣ, и послалъ меня Господь вынуть изъ женщины душу. Слетѣлъ я на землю, вижу: лежитъ одна жена — больна, родила двойню, двухъ дѣвочекъ. Копошатся дѣвочки подлѣ матери, и не можетъ ихъ мать къ грудямъ взять. Увидала меня жена, поняла, что Богъ меня по душу послалъ, заплакала и говорить: «Ангелъ Божій! Мужа моего только схоронили, деревомъ въ лѣсу убило. Нѣтъ у меня ни сестры, ни тетки, ни бабки, некому моихъ сиротъ взростить, не бери ты мою душеньку, дай мнѣ самой дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить.» И послушалъ я матери, приложилъ одну дѣвочку къ груди, подалъ другую матери въ руки и поднялся къ Господу на небо. Прилетѣлъ къ Господу и говорю: «Не могъ я изъ родильницы души вынуть. Отца деревомъ убило, мать родила двойню и молитъ не брать изъ нея души, говоритъ: «Дай мнѣ дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить. Не вынулъ я изъ родильницы душу.» И сказалъ Господь: «Поди, вынь изъ родильницы душу; и узнаешь три слова: узнаешь, что есть въ людяхъ, и чего не дано людямъ, и чѣмъ люди живы. Когда узнаешь, вернешься на небо.» Полетѣлъ я назадъ на землю и вынулъ изъ родильницы душу.

Отпали младенцы отъ грудей. Завалилось на кровати мертвое тѣло, придавило одну дѣвочку,

вывернуло ей ножку. Поднялся я надъ селомъ, хотѣлъ отнести душу къ Богу, подхватилъ меня вѣтеръ, повисли у меня крылья, отвалились, и пошла душа одна къ Богу, а я упалъ у дороги на землю.

XI.

И поняли Семенъ съ Матреной, кого они одѣли и накормили, и кто жилъ съ ними, и заплакали они отъ страха и радости, и сказалъ ангелъ:

— Остался я одинъ въ полѣ и нагой. Не зналъ я прежде нужды людской, не зналъ ни холода, ни голода, и сталъ человѣкомъ. Проголодался, измерзъ и не зналъ что дѣлать. Увидалъ я въ полѣ часовня для Бога сделана, подошелъ къ Божьей часовнѣ, хотѣлъ въ ней укрыться. Часовня заперта была замкомъ, и войти нельзя было. И сѣлъ я за часовней, чтобъ укрыться отъ вѣтра. Пришелъ вечеръ, проголодался я и застылъ, и изболѣлъ весь. Вдругъ слышу: идетъ человѣкъ по дорогѣ, несетъ сапоги, самъ съ собой говоритъ. И увидалъ я впервой смертное лицо человѣческое, послѣ того какъ сталъ человѣкомъ, и страшно мнѣ стало это лицо, отвернулся я отъ него. И слышу я, что говоритъ самъ съ собой этотъ человѣкъ, о томъ, какъ ему свое тѣло отъ стужи въ зиму прикрыть, какъ жену и дѣтей прокормить. И подумалъ: «я пропадаю отъ холода, и голода, а вотъ идетъ человѣкъ, только о томъ и думаетъ, какъ себя съ женой шубой прикрыть и хлѣбомъ прокормить. Нельзя ему помочь мнѣ.» Увидалъ меня человѣкъ, нахмурился, сталъ еще страшнѣй и прошелъ мимо. И отчаялся я. Вдругъ слышу, идетъ назадъ человѣкъ. Взглянулъ я и не

узналъ прежняго человѣка: то въ лицѣ его была смерть, а теперь вдругъ сталъ живой, и въ лицѣ его я узналъ Бога. Подошелъ онъ ко мнѣ, одѣлъ меня, взялъ съ собой и повелъ къ себѣ въ домъ. Пришелъ я въ его домъ, вышла намъ на встрѣчу женщина и стала говорить. Женщина была еще страшнѣй человѣка, мертвый духъ шелъ у нея изо рта, и я не могъ продохнуть отъ смрада смерти. Она хотѣла выгнать меня на холодъ, и я зналъ, что умретъ она, если выгонитъ меня. И вдругъ мужъ ея напомнилъ ей о Богѣ. И женщина вдругъ перемѣнилась. И когда она подала намъ ужинать, а сама глядѣла на меня, я взглянулъ на нее — въ ней уже не было смерти, она была живая, и я и въ ней узналъ Бога.

И вспомнилъ я первое слово Бога: «узнаешь, что есть въ людяхъ.» И я узналъ, что есть въ людяхъ любовь. И обрадовался я тому, что Богъ уже началъ открывать мнѣ то, что обѣщалъ, и улыбнулся въ первый разъ. Но всего не могъ я узнать еще. Не могъ я понять, чего не дано людямъ, и чѣмъ люди живы.

Сталъ я жить у васъ и прожилъ годъ; и пріѣхалъ человѣкъ заказывать сапоги, такіе, чтобы годъ носились, не поролись, не кривились. Я взглянулъ на него и вдругъ за плечами его увидалъ товарища своего, смертнаго ангела. Никто кромѣ меня не видалъ этого ангела, но я зналъ его и зналъ, что не зайдетъ еще солнце, какъ возьмется душа богача. И подумалъ я: «припасаетъ себѣ человѣкъ на годъ, а не знаетъ, что не будетъ живъ до вечера.» И вспомнилъ я другое слово Бога: «узнаешь, чего не дано людямъ.»

Что̀ есть въ людяхъ, я уже зналъ. Теперь я узналъ, чего не дано людямъ. Не дано людямъ знать,

чего имъ для своего тѣла нужно. И улыбнулся я въ другой разъ. Обрадовался я тому, что увидалъ товарища ангела и тому, что Богъ мнѣ другое слово открылъ.

Но всего не могъ я понять. Не могъ еще я понять, чѣмъ люди живы. И все жилъ я и ждалъ, когда Богъ откроетъ мнѣ послѣднее слово. И на шестомъ году пришли дѣвочки-двойни, съ женщиною, и узналъ я дѣвочекъ и узналъ, какъ остались живы дѣвочки эти. Узналъ и подумалъ: «Просила мать за дѣтей и повѣрилъ я матери, думалъ, что безъ отца, матери нельзя прожить дѣтямъ, а чужая женщина вскормила, возрастила ихъ.» И когда умилилась женщина на чужихъ дѣтей и заплакала, я въ ней увидалъ живаго Бога и понялъ, чѣмъ люди живы. И узналъ, что Богъ открылъ мнѣ последнее слово и простилъ меня. И улыбнулся я въ третій разъ.

XII.

И обнажилось тѣло ангела, и одѣлся онъ весь свѣтомъ, такъ что глазу нельзя смотрѣть на него, и заговорилъ онъ громче, какъ будто не изъ него, а съ неба шелъ его голосъ. И сказалъ ангелъ.

— Узналъ я, что живъ всякій человѣкъ не заботой о себѣ, а любовью.

Не дано было знать матери, чего ея дѣтямъ для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человѣку, сапоги на живаго или босовики ему же на мертваго къ вечеру нужны.

Остался я живъ, когда былъ человѣкомъ, не

тѣмъ, что я самъ себя обдумалъ, а тѣмъ, что была любовь въ прохожемъ человѣкѣ и въ женѣ его, и они пожалели и полюбили меня. Остались живы сироты не тѣмъ, что обдумали ихъ, а тѣмъ, что была любовь въ сердцѣ чужой женщины, и она пожалѣла, полюбила ихъ. И живы всѣ люди не тѣмъ, что они сами себя обдумываютъ, а тѣмъ, что есть любовь въ людахъ.

Зналъ я прежде, что Богъ далъ жизнь людямъ и хочетъ чтобъ они жили: теперь понялъ я еще и другое.

Я понялъ, что Богъ не хотѣлъ, чтобы люди врознь жили, и затѣмъ не открылъ имъ того, что̀ каждому для себя нужно, а хотѣлъ, чтобъ они жили за-одно, и затѣмъ открылъ имъ то, что̀ имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно.

Понялъ я теперь, что кажется только людямъ,

что они заботой о себѣ живы, а что живы они одною любовью. Кто въ любви, тотъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ, потому что Богъ есть любовь.

И запѣлъ ангелъ хвалу Богу, и отъ голоса его затряслась изба. И разинулся потолокъ, и всталъ огненный столбъ отъ земли и до неба. И попадали Семенъ съ женою и съ дѣтьми на землю. И распустились у ангела за спиной крылья, и поднялся онъ на небо.

И когда очнулся Семенъ, изба стояла по прежнему, и въ избѣ уже никого кромѣ семейныхъ не было.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (http://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счётъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]